

УДК 39

DOI: 10.33876/2311-0546/2025-4/283-289

Научная статья

© Т. Т. Дауева

СВАДЕБНАЯ ОБРЯДНОСТЬ ОСЕТИН В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ

Традиция обусловлена историческими и экономическими условиями жизни народа, которые меняются в зависимости от общественных трансформаций и внешних воздействий. В настоящем исследовании мы исходим из представлений о структуре традиции, включающей стабильную часть — некое ядро и защитную полосу, которая принимает внешние вызовы, реагирует на меняющиеся условия появлением различных инноваций, зачастую переходящих в традицию. Задача статьи — проследить, как преображается традиция под давлением чрезвычайных ситуаций, в частности пандемии. Автором рассмотрена свадебная обрядность в условиях строгих санитарно-эпидемиологических ограничений, связанных с распространением covid-19. Собранный полевой этнографический материал, в том числе глубинные интервью, позволил выявить сохранявшиеся традиции и сложившиеся за короткий период новые формы проведения обряда. Предварительные итоги исследования приводят к выводу о наличии стабильного «ядра», давшего возможность сохранить обрядность в условиях опасности, и об адаптационной способности защитного «пояса», породившего обновленные модели. Мониторинг описанной обрядности позволил определить, закрепились ли инновации в быту, стали ли они детонатором для отхода от отживших традиций, или носили временный характер и ушли в историю вместе с локдауном, а возможно и актуализировались после него.

Ключевые слова: традиция, свадебная обрядность, пандемия, локдаун, инновация

Ссылка при цитировании: Дауева Т. Т. Свадебная обрядность осетин в условиях пандемии // Вестник антропологии. 2025. № 4. С. 283–289.

UDC: 39

DOI: 10.33876/2311-0546/2025-4/283-289

Original article

© Tamara Daueva

OSSETIAN WEDDING CEREMONY DURING THE PANDEMIC

Tradition is shaped by historical and economic living conditions, which change in the context of social transformations and external influences. In this study, the we

Дауева Тамара Тамерлановна — к. и. н., старший научный сотрудник, Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В. И. Абаева — филиал ФГБУН Федерального научного центра «Владикавказский научный центр Российской академии наук» (Российская Федерация, 362000 Северная Осетия — Алания, г. Владикавказ, проспект Мира, 10). Эл. почта: tdaueva@mail.ru ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-8178-1889>

assume that tradition has a stable core and a “protective layer” that faces external challenges and reacts to changing conditions by producing innovations that often become part of tradition. This article aims to trace how tradition changes under the pressure of emergency situations, particularly pandemics. We consider the wedding ceremony in the context of strict sanitary and epidemiological restrictions related to the spread of the SARS-CoV-2. Ethnographic materials, including in-depth interviews collected by the author made it possible to identify preserved traditions and new ritual forms that developed in a short period. Preliminary study results allow us to conclude that a stable “core” was preserved, enabling the ritual to survive in dangerous conditions. The adaptive ability of the protective layer gave rise to certain updated models. Monitoring the described rituals will show if innovations have become part of everyday life, if they sparked a departure from obsolete traditions, or whether they were temporary and faded with the lockdown, possibly resurfacing afterwards.

Keywords: Tradition, wedding ceremony, pandemic, lockdown, innovation

Author Info: Daueva, T. — Ph.D. in History, Senior Researcher, the North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Research named after V. I. Abaev — Branch of the Federal Scientific Center “Vladikavkaz Scientific Center of the Russian Academy of Sciences” (Vladikavkaz, Russian Federation). E-mail: tdaueva@mail.ru ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-8178-1889>

For citation: Daueva, T. T. 2025. Ossetian Wedding Ceremony During the Pandemic. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)* 4: 283–289.

Пандемия коронавирусной инфекции COVID-19 охватила весь мир и заставила людей кардинально изменить привычный образ жизни, что повлекло за собой существенные перемены во всех сферах деятельности социума, в том числе и традиционной культуры. Эта проблема стала предметом научного анализа в социологических, психологических, демографических исследованиях, касающихся новых российских тенденций и конкретных региональных реалий в период пандемии. Особое внимание ученые обращают на роль пандемии как фактора семейно-бытовых конфликтов. Анализ имеющейся современной литературы показывает, что в этот период наблюдался рост количества разводов, увеличение числа жертв семейного насилия (Блейх и др. 2022). Эти вопросы и поиск путей их разрешения имеют особое значение. В частности, обобщен материал о социальных учреждениях республики Северная Осетия-Алания, занимающихся вопросами реабилитации пострадавших от домашнего насилия.

Однако, этнографический аспект, в частности, трансформации традиционных устоев в период локдауна, пока не исследован. В настоящей статье впервые ставится задача изучения свадебной обрядности в период пандемии на материалах Республики Северная Осетия-Алания и Государства Южная Осетия, полученных автором в ходе этнографической экспедиции в 2021–2023 гг., а также глубинных интервью, проведенных с целью выявления элементов трансформации традиционной культуры.

Традиционное массовое свадебное торжество, как это принято у осетин, в условиях пандемии стало не только эпидемиологически опасно, но и уголовно-наказуемо. Статистические данные показывают, что в период первого полугодия 2020 г., количество заключенных браков по сравнению с 2019 г. снизилось. На снижение показателей регистрации заключения брака повлиял тот факт, что в период действия ограничительных мер, регистрация заключения брака не производилась. Структурными под-

разделениями Управления ЗАГС РСО-Алания «осуществление юридически значимых действий и регистрации актов гражданского состояния, кроме регистраций рождения и смерти, производилось в ограниченном режиме в условиях введения ограничительных мер по недопущению распространения коронавирусной инфекции и в целях своевременного обеспечения сроков передачи в ЕГР ЗАГС переведенных в электронную форму актовых записей гражданского состояния» (Аналитическая информация 2020).

Более того, в связи со сложившейся с пандемией коронавирусной инфекции обстановкой уменьшилось количество браков, зарегистрированных в торжественной обстановке, до 395, в то время как в прошлогоднем периоде таких регистраций было 525» (Аналитическая информация 2020). Изменения коснулись и правил самой регистрации брака, и её торжественного сопровождения. В частности, во Владикавказе все рестораны и кафе были закрыты, во втором полугодии в связи с послаблением карантинных мер, свадебные торжества «переносились» в сельскую местность. Информанты сообщали:

«В связи с тем, что в столице торжество запрещалось проводить, мы решили сделать его в селе. У нас в Сурх-Дигоре родительский дом отца, дядя в нем живет. Конечно, количество гостей было не 700, как планировали изначально, а только 300, но мы, что нашли возможность оформить наш союз перед Богом» (ПМА 2023).

Стоит отметить, что это не единичный случай. Возможность сделать свадьбу на открытом пространстве в сельской местности была использована шестью интервьюируемыми. В 2020 г. карантинные меры ввелись и на территории Южной Осетии. Приезжающие из других регионов России отправлялись на двухнедельную самоизоляцию в местные гостиницы. Осенью, ввиду низкого уровня заболеваемости, ограничительные меры были частично устраниены, что привело к вспышке заболевания. Ввелись жесткие ограничения, в том числе, относительно проведения торжественных мероприятий.

Материал, собранный в Южной Осетии в период пандемии, свидетельствует о формировании разных позиций: в одних случаях люди приспосабливали традицию к реальным условиям, а в других — не считали возможным ее нарушать. Первая позиция:

«В сельских поселениях свадебное торжество не запрещали. Во-первых, сельчане свадьбу делают на открытой местности, на свежем воздухе, что сокращает возможность заболеть. Во-вторых, местные администрации поселения объясняли жителям, что ответственность за мероприятие несут хозяева торжества. Конечно, гостей приглашали меньше, чем ранее, но не так как в городе. Если раньше количество гостей могло достигать 700–900 человек, то в пандемию сократили до 300–400 человек» (ПМА 2022).

Вторая позиция:

«Мой сын решил жениться еще в начале года. Весной отправили сватов, договорились осенью сыграть свадьбу. В связи с карантином отложили свадьбу почти на год. Думаю, ничего страшного не произошло. Рассматривали вариант просто привести невесту в дом, но разве так можно — не по обычаю» (ПМА 2022).

Как рассказывали информанты, в городской местности также находились варианты решения вопросов о свадебном торжестве, в том числе и способы обойти установленные властями ограничения. Торжество проводилось за закрытой дверью

в местных кафе, гостей пропускали через служебный вход. Важно было не выкладывать торжество в социальных сетях, чтобы не привлекать внимание правоохранительных органов. Как следует из одного интервью,

«рестораны не пользовались успехом во время пандемии, так как сразу было видно, что машины припаркованы, внутри есть гости и т. д. Конечно количество гостей в кафе в разы бывало меньше, собирались только ближайшие родственники и друзья, но свадьбу сыграть все же удавалось» (ПМА 2023).

Были принятые меры, необходимые для обеспечения безопасности граждан группы риска, в частности, полная отмена участия старшего поколения в предсвадебных и свадебных мероприятиях. Так, вместо сватов — делегатов, по традиции, возрастных авторитетных мужчин из числа родственников жениха, появились новые фигуранты обряда — молодые братья и друзья жениха, оперативно осваивающие все детали сватовства. Был отрегулирован и вопрос количества участников сватовского мероприятия — с обеих сторон оно сокращалось до трех человек.

Еще одной новой формой стали «молодежные свадьбы»: в дом невесты приходят несколько делегатов из семьи жениха и после короткого торжества «забирают» невесту. Другая популярная версия — десяток друзей и родных молодоженов отмечали свадебное торжество в ресторане, соблюдая рассадку гостей через 1–2 стула.

Как указывают информанты и фотоматериал, обязательным условием при данных формах заключения брака было избирательное соблюдение ритуалов и обрядов свадьбы. Несмотря на молодой возраст, юноши пытались следовать всем правилам и строгой последовательности обрядового застолья. «Старший», к примеру, избирался в соответствии с несколькими требованиями. В первую очередь, знание осетинского языка, что на сегодняшний день является одной из острых проблем, и знание свадебного этикета. Рассаживались согласно принятой традиции, по старшинству, произносили обязательные свадебные молитвы и тосты (ПМА 2023).

Важнейшей новацией при данной форме брака стало активное участие в свадебном обряде самого жениха. Если ранее его роль бывала довольно пассивной и ограничивалась только процедурой посещения родительского дома невесты после ее появления в доме жениха, то в новых условиях и в отсутствие старших, наблюдается его полноценный визит за невестой (что нарушает традиционный вид «избегания»), и возможность участия в застолье.

Изменения коснулись и деталей осетинского свадебного костюма — ввиду отсутствия полноценного свадебного церемониала и пышного торжества образы невест стали более сдержанными, прежние наряды показались неуместными. Обычным для свадьбы в пандемию стало платье невесты белого и красного цвета, сшитое в пол и украшенное вышивками по мотивам осетинского орнамента. Орнамент растительных либо геометрических мотивов был перенесен из традиционного костюма. В платьях сохранялся обязательный традиционный атрибут — нагрудные застежки и пояс, несущие функции оберега, а также символизирующие плодородие и изобилие (Абаева 2013: 125). Яркая традиционная составляющая костюма — шапочка, была заменена большим ажурным платком кремового цвета с длинной бахромой, закрывающим голову и верхнюю часть тела. Важнейшей знаковостью платка служит охрана и защита невесты от «дурного глаза и нечистой силы» (Канукова, Дзамихов 2021: 71). Новый образ невесты приближен к описанию дореволюционных авторов — белая шаль и красное платье являлись знаком чистоты и непорочности невесты.

Таким образом, отдельные элементы костюма невесты сохранили необходимую смысловую символику народного костюма. На некоторых свадьбах образ невесты был дополнен и роскошной маской, расшитой бусинами, стразами и камнями.

В свадебном обряде сохранился ритуал *мыдыкъус*, где свекровь и невеста символически угощают друг друга медом, смешанным с топленым маслом. Также порциями этой смеси и комплектом символического подарка (фартук, ложка, платок) невеста одаривает женщин старшего поколения. В процессе ритуала кормления проходило знакомство невесты с женской частью семьи жениха (Хадикова 2022: 115). По свидетельству информантов, обряд *мыдыкъус* на момент пандемии зачастую ограничивался появлением этой ритуальной чаши в доме жениха, или вовсе отменился ввиду отсутствия данной категории женщин на торжестве и риска заражения кормлением одной ложкой (ПМА 2022).

Был упразднен и обряд знакомства невесты с детьми, которых она по традиции, одаривала игрушками, бижутерией и пр.

Новым и важным, ключевым моментом свадебного обряда стала организация фотосессий в необычных локациях: в старинных зданиях или на природе.

При этом самое скромное застолье, обозначаемое как «три пирога» — символ сохранения ритуальной составляющей традиционной свадьбы, оставалось неизменным.

После снятия карантинных мер в конце 2020 г. вновь актуализировалась основная форма заключения брака — сватовство, а также анти-традиция — умыкание невесты. У осетин умыкание не было традиционной формой заключения брака, воспринималось как оскорбление всей фамилии и даже влекло за собой кровомщение. Но в период пореформенной модернизации XIX века, в условиях резкой социальной дифференциации, обнищания крестьян и невозможности уплаты калыма за невесту, эта форма становилась распространенной и зафиксировалась в быту. Сегодня умыкание вновь актуализировалось из-за материальных проблем и стало одной из современных форм заключения брака, а пандемия способствовала этой актуализации. Важно отметить, что данная форма носит спорадический характер и интервьюируемыми не приветствуется. При умыкании молодые договариваются о вступлении в брак самостоятельно, без посредничества. В настоящее время под воздействием различных социальных факторов умыкание становится альтернативной формой вступления в брачный союз, но не является похищением по своей сути, так как проходит с согласия невесты.

Достаточно интересен вопрос актуализации данной формы и причин, приведших к всплеску похищений невест в настоящее время. На сегодняшний день мы сталкиваемся с некой интерпретацией, расходящейся с классическими причинами умыкания. Этнографический материал позволяет выделить два вида умыкания, существующих в Осетии на сегодняшний день (Дауева 2020: 35). Во-первых, умыкание с целью сокращения свадебных расходов, во-вторых, умыкание — соразмерное обряду сватовства, которое предполагает последующее «примирение сторон» и свадебное торжество.

Исследование судебных материалов объясняет причины происходивших похищений невест в прежние времена.

Семья девушки обращала внимание на условия жизни жениха, на родовитость фамилии и перспективы быстрой уплаты калыма. Отсутствие одного из условий приводило к отказу в заключении брачного союза.

В случае, если один из претендентов на руку девушки был из другого осетинского поселения, а второй являлся односельчанином, то предпочтение отдавалось последнему.

Если несколько парней сватали одну и ту же девушку, то один из них, опасаясь выбора не в его пользу, решался на умыкание, хотя зажиточные женихи в таких случаях могли предложить семье невесты двойной калым.

Если у девушки были старшие незамужние сестры, то какой бы калым парень ни предлагал, он всегда получал отказ, так как младшая сестра не могла выйти замуж раньше старшей, — еще одна причина умыкания девушки (ЦГА).

Сейчас данное требование сохранилось, однако категорического запрета нет. В случаях, если младшая сестра выходит замуж раньше, старшим сестрам полагаются «утешительные» подарки (Канукова и др. 2023: 154).

На сегодняшний день сложилась некая тенденция, которая показывает, что большее количество умыканий происходит в сельской местности, среди людей скромного достатка, а также в условиях неполной семьи. Традиционная форма сватовства остается основной, как правило, от нее не отходят экономически благополучные семьи, а также традиционные семьи, сохраняющие тесное родственное общение.

Итак, сформированные в период пандемии практики (и не только свадебные) достаточно ощутимо видоизменили обрядовую культуру. Самоизоляция и карантинные меры были необходимыми в пандемию. С их помощью удалось минимизировать количество жертв, а также остановить появление новых форм заболевания. Вместе с тем, карантин и самоизоляция послужили катализаторами для возникновения минималистических форм традиционной обрядовой культуры.

Необходимость реконструкции полного комплекса торжества повлекла за собой активизацию процессов культурной преемственности: молодые поколения заинтересовались традиционными культурными формами, элементами праздничной композиции, многочисленными ритуальными действиями, национальными символами и т. д. На наш взгляд, это может повлиять на сохранение форм этнической культуры современных осетин. Наблюдения пост-ковидного времени показывают, что многолюдных свадеб стало меньше. Более того, зафиксировались формы онлайн-участия в свадебном торжестве путем перевода денег в качестве подарка, когда нет возможности личного присутствия на торжестве.

В современных условиях мобилизации этничности, возрожденческих практик, распространенных среди молодежи, ее приверженности традиции как потребности и способа выражения своей этничности, такие вызовы как пандемия и локдаун, а также порожденные ими новые обрядовые практики, не способны разрушить «ядро» традиции. Но они могут зафиксироваться в «защитном пояссе» традиции, гибком и динамичном, формирующем психологически комфортные способы адаптации к реальным условиям. Дальнейшие наблюдения покажут, станут ли инновации новыми традициями, окажутся ли обновленные и упрощенные формы востребованными, является ли чрезвычайная ситуация фактором отживания традиции или она будет актуализирована в контексте антиглобалистских восстановительных практик.

Источники и материалы

Аналитическая информация 2020 — Аналитическая информация по Управлению записи актов гражданского состояния Республики Северная Осетия-Алания за I полугодие 2020 г. в сопоставлении с показателями за I полугодие 2019 г. / <https://zags.alania.gov.ru/pages/692>. (дата обращения: 20.08.2024).

ПМА 2022 — Полевые материалы автора. Экспедиция в р. Северная Осетия- Алания в 2022 г.
ПМА 2023 — Полевые материалы автора. Экспедиция р. Северная Осетия- Алания в 2023 г.

ЦГА — Центральный государственный архив республики Северная Осетия-Алания. Ф. 113. Оп. 1. Ед. хр. 34; 77; 78; 79.

Научная литература

- Абаева Ф. О. Обрядовый свадебный текст осетин (лексика, семантика, символика). Владикавказ: ИПЦ СОИГСИ ВНЦ РАН и РСО-А, 2013. 251 с.
- Блейх Н. О., Дзугкоев Д. А., Туаев А. Т. Вопросы семейного насилия в период локдауна глазами молодых исследователей (региональный аспект) // Историческая и социально-образовательная мысль. 2022. Т. 14. № 1. С. 57–70.
- Дауева Т. Т. Модернизация правового регулирования брачно-семейных отношений у осетин // Известия СОИГСИ. 2020. № 38 (77). С. 34–41. <https://doi.org/10.46698/x6717-7561-6284-г>
- Канукова З. В., Дзамихов К. Ф. «Пережитки прошлого», «новые традиции» и другие тренды северокавказского сегмента советской историографии (1960–1980 гг.) // Известия СОИГСИ. 2021. № 42 (81). С. 70–81. <https://doi.org/10.46698/VNC.2021.81.42.001>
- Канукова З. В., Цибиров Г. И., Гутиева Э. Ш. Гендерные процессы в Осетии и «Осетинская женщина» Цомака Гадиева // Известия СОИГСИ. 2023. № 49 (88). С. 144–157.
- Хадикова А. Х. Этнофор: историко-этнографический аспект изучения (на материале исследования феномена этничности разделенного осетинского этноса) // Известия СОИГСИ. 2022. № 46 (85). С. 105–116. <https://doi.org/10.46698/VNC.2022.85.46.009>

References

- Abaeva, F. O. 2013. *Obriadovyi svadebnyi tekst osetin (leksika, semantika, simvolika)* [Ossetian Wedding Ceremony Text (Vocabulary, Semantics, Symbolism)]. Vladikavkaz: IPC SOIGSI VNC RAN i RSO-A. 251 p.
- Bleikh, N. O., D. A. Dzugkoev, and A. T. Tuaev. 2022. Voprosy semeinogo nasiliia v period lokdauna glazami molodykh issledovatelei (regional'nyi aspekt) [Issues of Family Violence During the Lockdown Period in the Eye of Young Researchers (Regional Aspect)]. *Historical and Social-Educational Idea* 14 (1): 57–70.
- Daueva, T. T. 2020. Modernizatsiia pravovogo regulirovaniia brachno-semeinykh otnoshenii u osetin [Modernization of Legal Regulation of Ossetian's Marriage and Family Relations]. *Izvestiia SOIGSI* 38 (77): 34–41. <https://doi.org/10.46698/x6717-7561-6284-г>
- Kanukova, Z. V., and K. F. Dzamikhov. 2021. «Perezhitki proshloga», «novye traditsii» i drugie trendy severokavkazskogo segmenta sovetskoi istoriografii (1960–1980-e gg.) [“Vestiges of the Past”, “New Traditions” and Other Trends of the North Caucasian Segment of Soviet Historiography (1960–1980)]. *Izvestiia SOIGSI* 42 (81): 70–81. <https://doi.org/10.46698/VNC.2021.81.42.001>
- Kanukova, Z. V., G. I. Tsibirov, and E. Sh. Gutieva. 2023. Gendernye protsessy v Osetii i «Osetinskaia zhenshchina» Tsomaka Gadieva [Gender Processes in Ossetia and the “Ossetian Woman” by Tsomak Gadiyev]. *Izvestiia SOIGSI* № 49 (88): 144–157. <https://doi.org/10.46698/VNC.2023.88.49.011>
- Khadikova, A. Kh. 2022. Etnofor: istoriko-ethnograficheskii aspekt izucheniiia (na materiale issledovaniia fenomena etnicheskosti razdelenennogo osetinskogo etnosa) [Ethnophore: Historical and Ethnographic Aspect of the Study (Based on the Study of the Phenomenon of Ethnicity of the Divided Ossetian Ethnos)]. *Izvestiia SOIGSI* 46 (85): 105–116. <https://doi.org/10.46698/VNC.2022.85.46.009>